

 европа

Иосиф Дускин

РИЗИС...

**И ВСЁ ЖЕ
МОДЕРНИЗАЦИЯ!**

Иосиф Дискин

Кризис... И все же модернизация!

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178125
И.Дискин Кризис... И всё же модернизация!: Европа; Москва; 2009
ISBN 978-5-9739-0173-8*

Аннотация

Книга посвящена одной из самых злободневных проблем – переходу к модернизации России в условиях острого кризиса. В ней рассмотрены современные подходы к модернизации, а также авторское развитие этой теории.

Центральное место занимает выявление специфики отечественной версии модернизации, причин кризисов и противоречий на этом пути. Предлагается анализ существа качественных изменений последних десятилетий. Доказывается, что современный кризис предельно остро ставит вопрос: либо Россия, несмотря на кризис, сможет перейти к модернизации, либо ей угрожает национальная катастрофа.

Предлагается концепция нового модернизационного проекта – национально-демократической модернизации России. Книга предназначена тем, кого всерьез волнуют судьбы нашей страны.

Содержание

Введение	4
Глава I	7
§ 1. Теории модернизации и смежные направления	8
Теоретические сомнения и обобщения	13
§ 2. Социальная трансформация как модернизационная рамка	16
Трансформация	16
Социокультурные трансформационные напряжения	21
Макросоциальная интеграция	23
Трансформация и институциональный генезис	27
§ 3. Модернизационные парадигмы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иосиф Дискин

Кризис... И всё же модернизация!

Введение

Кризис, пришествие которого так долго предвкушали все враги режима, с которым связывались надежды на крах «чекизма», все явственнее определяет текущую повестку дня. С разных сторон слышны панические причитания. Даже один из видных российских ученых Александр Аузан заявил: «Россия миновала развилку, на которой была возможна модернизация. И сейчас мы от нее удаляемся»¹.

Но такая перспектива вряд ли может быть принята без пристрастного анализа. Прежде всего теми, кого волнуют подлинные интересы России, ее народа. Ведь ясно, что кризис, не ведущий к модернизации, делает вполне серьезным риск национальной катастрофы. Слишком уж велики внешние и внутренние вызовы.

При этом вряд ли следует питать расслабляющие иллюзии, рассчитывать на автоматически очищающее действие кризиса. Ведь для того, чтобы кризис стал лекарством, нужно, чтобы оно соответствовало причинам болезни. Без этого полагаться на такое снадобье было бы абсолютным безрассудством – так можно лишь ускорить катастрофу.

Значит, нужно вникать в сущность российского кризиса, в его специфику, искать пути его превращения в предпосылку российского модернизационного проекта.

Это тем более актуально, что руководство страны, представители разных общественных направлений поднимают вопрос о модернизации нашей страны в качестве первоочередной задачи. И предметом обсуждения становится уже не столько настоятельная необходимость такого проекта, сколько его цели и возможные альтернативы, исходные основания модернизационной стратегии.

Актуальность для России модернизационного проекта в большой мере связана с грозными вызовами будущего. Трансграничное геополитическое и цивилизационное положение нашей страны, ее контроль над целым рядом ресурсов превращают ее в объект для самого серьезного давления. (Борьба за эти ресурсы, по мнению большинства экспертов, составит существо мировой политики первой трети XXI века.) И при проявлении хоть какой-либо слабости дело не ограничится *soft power*. Уже сегодня виден рост силовой проекции, возрождение всех калькуляций холодной войны. Противостояние – не наш выбор, но представляется, что агрессия Грузии была лишь первой пробой сил.

Для ответа на растущие угрозы необходима стратегия наращивания российской мощи. Это должна быть серьезная, основательная стратегия, оценивающая реальные и отсекающая мнимые угрозы. Переоценка угроз так же опасна, как и их недооценка. Страшный урок СССР, рухнувшего, среди прочего, под грузом непосильной гонки вооружений, тому пример. Это важный императив нашей стратегии модернизации.

Одновременно имеются и мощные внутренние императивы модернизации. Последние годы сформировали у большинства населения представления о «нормальном» образе жизни. Разрыв между этими представлениями и реальной социально-экономической ситуацией, проще говоря жизнью в кризисе, будет оставаться мощным фактором напряженности.

Кризис подстегнул опасения многих потерять недавно обретенное благополучие. Даже поддержание социально-политической стабильности требует высоких темпов развития.

¹ Аузан А. Национальные ценности и российская модернизация: пересчет маршрута. Публичные лекции «Полит Ру». www.polit.ru

Вспомним Льюиса Кэрролла, «Алису в стране чудес»: «Здесь, чтобы стоять на месте, нужно быстро бежать». Индикатором являются растущие притязания наиболее активной части населения, прежде всего молодежи. Их императив – не предмет обсуждения. Либо им дадут возможность принять участие в захватывающем приключении – в созидании «новой России», где их ждет подлинный успех, либо good buy Russia (как в прямом, так и в переносном смысле).

Либо Россия будет великой, либо ее не будет вовсе (в качестве значимого геополитического и социально-политического субъекта). Но величие России сегодня – это уже не только и не столько могущество силы, но возможности развития для всех и для каждого.

Сегодня концепции модернизации, развития в целом, претендующие на универсальность или, по меньшей мере, на широкое распространение, становятся одним из серьезных инструментов soft power, признаков великой державы. Без выдвижения собственной модели модернизации, без демонстрации успеха на этом пути притязания на роль одного из глобальных игроков неосновательны. Американский и китайский проекты «на столе». Европа явно стремится выдвинуть свой. А что Россия? Выдвижение собственного оригинального проекта – аргумент в глобальной гонке.

Для создания содержательной концепции развития России нам необходим свежий взгляд на теорию модернизации, ее проекция на актуальные отечественные проблемы. Но понимание проблемной ситуации, не допускающее нового мифотворчества, может возникнуть лишь при просеивании через сито теоретического анализа. Это значит, что при всем современном недоверии к теоретизированию как чему-то смутному и непрактичному, нам не обойтись без выстраивания опорной теоретической схемы, способной выдержать непростой процесс концептуализации модернизационного прорыва². Для выстраивания национальной стратегии нам необходима локализация теории модернизации применительно к специфике проблем развития России. Необходимо выявить проблемы, актуальные для нашей страны, и сопоставить их с теми, которые уже обсуждались в рамках этой теории. Многие ловушки и провалы зарубежных модернизационных проектов были обусловлены, прежде всего, ошибочным диагнозом, слабым проникновением в подлинное существо проблем, стоявших перед этими странами.

Фокус данной работы – показать, **что многие проблемы нашего современного развития, включая причины текущего кризиса, проистекают из недостаточного понимания характера отечественного развития**. Корни наших проблем уходят в прошлое и тесно сплетены с предшествующими попытками модернизации России. С учетом этого полезно в явном виде прописать эту специфику развития – это позволит соотнести наши представления о ней с конструктами теории модернизации, встроив, тем самым, развитие России в общий контекст этих теорий. Понимание специфики также избавит нас от неконструктивного мифа о российской исключительности, лишаящей нас какой-либо возможности использовать плоды предшествующего теоретического анализа. Определение специфики отечественного развития повысит также предсказательные возможности нашего теоретизирования. Развитие теории модернизации и, шире, анализа проблем развития и выявления причин неразвитости позволяет предвидеть многие грядущие проблемы.

В данной работе читателю предлагается подход, позволяющий различать принципы модернизационных проектов, оценивать последствия их реализации. Их важная черта – отношение к предшествующему развитию, социально-историческому контексту в целом. Принципиально важна опора таких проектов на разные идеологические доктрины или, напротив, на практику реальной жизни.

² Более развернутый теоретический анализ представлен в: Дискин И. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН, 2008.

В центре обсуждения стоит исчерпанность прежней концепции развития, основанной на силовом воплощении в жизнь идейно вдохновленных проектов. Ставится задача обосновать необходимость смены модернизационной парадигмы, в рамках которой в течение длительного времени развивалась Россия, перехода к новой, органичной модели модернизации, соответствующей кардинальным социальным переменам, произошедшим в нашей стране за предшествующие десятилетия.

Многие процессы, задающие рамки модернизационных проектов, обладают очень длительными трендами. Однако инерция часто порождает серьезные противоречия в экономике, политике и социальной жизни страны. Модернизационный проект и нужен тогда, когда инерция чревата серьезными угрозами, когда необходимо решительно менять траекторию развития.

Поворот к наиболее привлекательной стратегии модернизации очень непросто, для его осуществления необходима мобилизация социальных и политических усилий активной части общества, и шансы на успех зависят от позиции политического класса страны. Прагматические интересы отечественного политического класса, которые все жестче сопряжены с успехом российского модернизационного проекта, являются тем обстоятельством, которое вселяет сдержанный оптимизм в возможность его осуществления.

Модернизационный проект может опираться на поддержку тех слоев населения, которые и способны, и заинтересованы в рациональной оценке практики социальной, политической и хозяйственной жизни страны. Именно поэтому в книге уделяется внимание тем кардинальным, в строгом смысле историческим макросоциальным изменениям, которые произошли в России. Хочется убедить читателя, что впервые в истории нашей страны сложились массовые слои и группы населения, основывающие свою социальную практику на индивидуальных ценностях и рациональном выборе – по существу, это «новая Россия». Ценности и представления таких групп с необходимостью могут, и в определенной мере должны, стать ориентирами нового модернизационного проекта. Более того, характер ценностей, наиболее значимых для групп, составляющих «новую Россию», задает и качественное измерение такого проекта – **национально-демократической модернизации.**

В работе предлагается видение сущности, принципов и задач национально-демократической модернизации, ее социальных, государственных и экономических компонент. Это видение не претендует на роль целостной модернизационной стратегии России. Разработка такой стратегии – задача, требующая длительных коллективных усилий. Тем не менее задача этого исследования – представить читателю материал для последующей дискуссии по столь важной проблеме, как российский модернизационный проект.

Цель данной книги – убедить читателя, что модерн в России – незавершенный проект. И если читатель готов при поддержке аргументов автора к непростой и часто раздражающей работе прояснения пути между Сциллой кризиса и Харибдой российской модернизации, тогда вперед, давайте попробуем совместно проделать эту трудную работу. Может быть, она поможет ответить на те вопросы, которые читатель уже не раз задавал себе сам.

Глава I

Российская модернизация: теоретические подходы и анализ специфики

Разработка проекта российской модернизации требует хотя бы краткого обзора истории соответствующих теоретических воззрений. Этот обзор включает в себя как теорию модернизации, так и смежные научные направления, которые, хотя формально и не принадлежат к теории модернизации, но рассматривают близкие предметы. Отграничение соответствующих подходов от теории модернизации было обусловлено, как мы увидим ниже, исходными идейно-политическими представлениями исследователей. Для нас важно, что выводы этих смежных направлений могут послужить средством обсуждения проблем развития нашей страны.

Важное место в нашем анализе занимает рассмотрение макросоциальных трансформационных процессов, выступающих в предлагаемом подходе ограничительными рамками развития, предопределяющими его альтернативы. В центре внимания нашего анализа – рассмотрение специфики российской модели модернизации, выявление той парадигмы, которая доминировала в отечественном развитии. При этом необходимо объяснить социально-исторические причины такого доминирования, так как на характер функционирования всей нашей институциональной среды, на причины возникновения волнующего нас кризиса существенно повлияли те же причины.

§ 1. Теории модернизации и смежные направления

Теории модернизации возникли в 60-х годах XX века в ходе борьбы с марксизмом за влияние в третьем мире. Именно это обстоятельство отделило теорию модернизации от смежных направлений, развивавшихся на базе «неприемлемых» идеологий.

Ранние теории модернизации реконструировали историю развития Запада и базировались на либеральной вере в гарантированный прогресс, а также в универсальность американских ценностей, которые распространятся во всем мире.

Только к середине 80-х годов, когда был накоплен как положительный, так и кризисный опыт большого числа стран третьего мира, реализовавших разнообразные проекты развития (как по западному, так и по социалистическому образцу), сложились теоретические представления, пригодные для обоснования относительно внеидеологизированной модернизационной политики. К этому же периоду относится и философское осмысление этой теории, которое позволило расширить пространство анализа, включив в него практически все страны мира, а не только развивающиеся. Результатом осмысления стало превращение понятия «модернизация» в предмет анализа для представителей дисциплин, с разных сторон рассматривавших практику развития «новых» стран и анализировавших причины успехов и провалов соответствующих проектов развития.

По оценке Юргена Хабермаса: «Теория модернизации придает веберовскому понятию “модерн” характер абстракции, имеющей большие последствия. Оно отделяет модерн от его истоков – Европы нового времени – и стилизует его как образец для процесса социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении. Кроме того, доктрина модернизации разрывает внутренние связи между модерном и историческим контекстом западного рационализма, поэтому процессы модернизации отныне не воспринимаются в качестве рационализации, как историческая объективация разума»³. Следует отметить, что генезис такого понимания восходит к Карлу Марксу, отмечавшему, что: «Дело <...> не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁴.

Сегодня различие позиций в отношении политики развития базируется на соответствующих теориях модернизации или, более широко, на теориях развития, выступающих обоснованиями внутри– и внешнеполитических стратегий. Сегодня, как и полвека назад, борьба за выдвигание наиболее убедительной и привлекательной теории развития становится важной частью soft power, конкуренции между глобальными центрами влияния.

В рамках этой проблематики сложилось значительное количество направлений и концепций, различающихся как дисциплинарным подходом, так и предметным фокусом. Ниже приводится структура наиболее значимых теоретических подходов (без претензий на их исчерпанность).

³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 8.

⁴ Маркс К. Капитал. Том 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 6–9.

Общим для всех **теорий модернизации (теорий отставания, догоняющего развития)** является представление, что причины неразвитости связаны с внутренними факторами, такими как неграмотность, традиционное аграрное общество, традиционные ценности и ожидания населения, слабое разделение труда, недостаток коммуникаций и инфраструктуры. Различия в структуре и историческом пути мало принимались во внимание, внешние влияния игнорировались. Такой подход, вполне очевидно, снимал вопрос об ответственности колониальных держав и возлагал эту ответственность на власти «новых» государств. При этом исходным было представление, что существуют общие законы Прогресса и образец, задаваемый развитыми странами, рано или поздно будет реализован.

Теория модернизации рисует линейную модель, в континууме которой располагаются как развитые, так и еще «недоразвитые» страны. Она, таким образом, фиксирует уровень «отставания», преодоление которого и является целью модернизации. Соответственно мера «модернизации» и ее средства – качество производственной инфраструктуры, потребность в капитале, масштаб трансферта ноу-хау. Развитие – повышение производительности и эффективности – измеряется, прежде всего, показателем ВВП на душу населения. Легко увидеть сходство такого подхода с тем, который лежал в основе советской модернизации (и продолжает оказывать влияние на современные представления).

«**Дуалистические теории**» предполагают расщепление экономических и социальных структур на «модернизованный» и «традиционный» сектора.

«*Традиционный*» характеризуется малоразвитым и малоразмерным сельским хозяйством, ремесленничеством, мелочной торговлей – эти сектора мало связаны между собой и развиваются по собственным законам.

«*Модернизованный*» сектор может рассматриваться как эксклав развитых стран, которые и получают основные выгоды от его развития. Но развитие этого сектора не влияет на эволюцию «традиционного».

Развитие (в представлении этой концепции) означает поглощение «традиционного» сектора в ходе концентрации и развития «модернизованного». Следовательно, главная проблема – масштабы и скорость экспансии «модернизованного» сектора.

Сельское хозяйство должно предоставить для этого ресурсы: труд и капитал. Предлагаемая картина легко применима не только к нашему прошлому, но и к современности. Россия включает огромные территории, где еще доминируют традиционные формы жизни и хозяйствования.

«**Стратегические теории**» объясняют неразвитость как результат действия замкнутого круга факторов. Низкий уровень доходов населения в развивающихся странах – результат низкого уровня производительности труда. В свою очередь низкий уровень – следствие дефицита капитала, который является следствием низкого уровня сбережений населения. А тот – результат низкого уровня доходов. Круг замкнулся. Данные теории рекомендуют разрывать этот круг в какой-либо критической точке – ее выбор варьируется в зависимости от конкретного варианта теории. В этой связи вспоминается подход **Сергея Витте**, который стремился ускорить развитие России за счет привлечения иностранных капиталов и технологий. Сходные проблемы и сегодня стоят перед некоторыми регионами России.

Анализ модернизационных проектов показывает, что критическая точка в условиях узкого рыночного спроса – дефицит инвестиций и, следовательно, возможность их мобилизации. Если капитал доступен, инвестиции будут сделаны. Априори предполагается, что традиционное общество готово к изменениям и хочет рациональных инвестиционных решений. Но опыт целого ряда развивающихся стран опроверг этот тезис. Даже при доминировании вестернизированных элит наиболее вероятно, что это путь к складыванию небольшого модернизированного сектора, погруженного в преобладающий «традиционный», – то есть к дуальной модели.

При ином подходе критической точкой считается не дефицит капитала, но недостаток готовности предпринимателей. Потенциальным предпринимателям препятствуют институциональные факторы, и для преодоления недостатка готовности требуется формирование мотивации, а также давление власти, приводящее к необходимым инвестиционным решениям. Последние, согласно **Альберту Хиршману**, обеспечиваются не сбалансированным ростом, а различными дисбалансами, которые создают источники возможных доходов и потерь⁵ и которые должны поддерживаться в качестве инструментов развития. Инвестиции будут распространяться не равномерно, а, наоборот, концентрироваться в таких проектах, где дополнительные вложения могут реализовать свои преимущества при поддержке предпринимательской готовности. Использование дисбалансов может обеспечивать импортозамещение. В качестве примера создания такого дисбаланса в нашей стране вспомним установление барьеров на ввоз старых легковых автомобилей – результатом стал резкий рост инвестиций в автоборку.

Теория «стадий экономического роста», хорошо известная российским читателям, объясняет процессы экономического развития с точки зрения экономической истории.

Уолт Ростоу вводит пять стадий экономического роста, которые проходит каждое общество⁶. Так, в «традиционном обществе» более 75 процентов населения занято в производстве продовольствия, политическая власть принадлежит землевладельцам или централизованному государству, поддержанному армией или чиновниками. «Переходная стадия» создает предпосылки для стадии «отрыва» через проведение кардинальных изменений в непромышленных секторах. Растет экспорт сырья, возникает новый класс предпринимателей, среди элит распространяется привнесенная извне идея экономического прогресса. Накапливаются новые методы хозяйствования, формируются предпринимательская готовность и «истории успеха». На этой стадии происходит резкий рост уровня инвестиций, сопровождающийся радикальными изменениями в технологиях. «Гонка к зрелости» распространяет рост от лидеров к другим секторам, широко применяются современные технологии. Завершающая стадия – «высокого массового потребления» – наступает после достижения определенного уровня национального дохода и формирования экономической политики, направленной на повышение личного потребления.

Впрочем, это «расписание развития» слабо объясняет, почему некоторые общества идут вперед, а другие – нет. Эта теория также уделяет мало внимания институциональному измерению развития.

Роль центров регионального развития находится в фокусе и является побудительным мотивом **теории «полюсов развития»**. Так, региональная концентрация помогает извлекать выгоды технологически продвинутым внешним экономикам и делает региональные центры привлекательными для предпринимателей, что стимулирует дальнейшее развитие. (Временные региональные дисбалансы используются для стимулирования развития.) При этом не ясно, как обеспечить распространение развития из центров в провинции, а без него «полюсы» развития могут превратить экономику в «дуальную».

Гуннар Мюрдаль указывает, что социальные системы и экономические процессы не развиваются в условиях равновесия⁷. Напротив, неравновесие порождает позитивные или негативные циклы. В условиях *laissez-faire* для развивающихся стран преобладает формирование негативных циклов.

В принципе Мюрдаль отрицает объяснение проблем развивающихся стран лишь экономическими факторами – социальные отношения должны быть инкорпорированы в тео-

⁵ Hirschman A. The strategy of economic development. New Haven, 1958.

⁶ Rostow W. The stages of economic growth. Cambridge, 1960.

⁷ Myrdal G. Economic theory and underdeveloped regions. London, 1957.

рию. Анализ реальной практики показывает, что использование либеральных подходов в реформировании экономики в условиях слабого распространения либеральных ценностей среди населения приводит к результатам, далеким от исходного замысла.

Макросоциальные (социально-психологические и социокультурные) теории рассматривают ценности в качестве главных факторов неразвитости и развития. Одна из ранних и одновременно наиболее известных концепций такого рода принадлежит **Максу Веберу**⁸.

Согласно Веберу, протестантизм явился предпосылкой развития капитализма по двум причинам: протестантская этика, во-первых, утверждает аскетизм, который способствует сбережениям и последующим инвестициям; во-вторых, она базируется на рационализме и поведении, ориентированном на достижение цели (целерациональное поведение). То есть Вебер показал механизм формирования той самой предпринимательской готовности, значение которой отмечалось выше.

Позже **Толкотт Парсонс** и **Нейл Селзер** объясняли экономическое развитие результатами напряжений и волнений в обществе⁹. Если в традиционном обществе опыт экономической активности, достижения привносится извне, то дифференциация влечет напряжения и волнения.

Джон Маклелланд связывает уровень развития с достижительской мотивацией, а **Эрик Хаген** пытается объяснить причины различий в достижительской мотивации между обществами, их классами и стратами¹⁰. Часть из них становятся на инновационные позиции, и если соответствующие личности и группы приобретают в обществе доминантные позиции, то этот процесс становится фактором развития. Поскольку структура мотиваций различных групп влияет на перспективы развития, то успех модернизации в большой мере зависит от того, насколько создаваемая институциональная среда способна поддержать модели активности, то есть вобрать в себя социальные ресурсы развития.

Согласно **теориям «зависимого развития»** причина неразвитости стран третьего мира – их зависимость от индустриально развитых стран. Прогресс развитых стран и неразвитость развивающихся – части одного исторического процесса. *Неразвитость – не есть отставание, но намеренное «понижающее» развитие.*

Теории зависимости концентрируются на происхождении зависимости, но стратегиям ее преодоления уделяют мало внимания. ИмPLICITно развитие означает освобождение, конец структурной зависимости и обретение независимости, создающих условия для преодоления структурных деформаций и других препятствий развитию.

Структура спроса и предложения промышленно развитых стран, с одной стороны, и развивающихся – с другой, приводит к тому, что развитые страны способны извлечь преимущества из внешней торговли. Такой трансферт ресурсов делает развитие невозможным, и неравенство в торговых отношениях рассматривается как источник неразвитости. Технический прогресс в производстве промышленных товаров не только позволяет развитым странам повышать их доходы и уровень жизни населения, но также поддерживать высокие цены. Ситуация в развивающихся странах противоположная: технический прогресс в большинстве случаев приводит к снижению цен. Этот механизм ведет к ухудшению условий торговли между развитыми и развивающимися странами (так же как и между промышленным и аграрным секторами в развивающихся странах)¹¹.

⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1999.

⁹ Parsons T. Gesellschaften, evolutionare und komparative perspektiven. Frankfurt, 1975; Smelser N. Theory of collective behavior. Glencoe, 1963.

¹⁰ McClelland D. The achieving society. Princeton, 1961; Hagen E. On the theory of social change – how economic growth begins. Homewood, 1962.

¹¹ Myint H. The gains from International trade and the backward countries // Review of economic studies. XXII. 1954–1955. P. 129–142; RAO, V.K.R.V. investment, income and the multiplier in an underdeveloped country // The economics of

Черты таких представлений заметны и на российской почве в виде тезиса о России как «сырьевом придатке».

Неизменная структура предложения развивающихся стран усиливает структурную зависимость и препятствует росту. Это уже не развитие, но только «ущербный рост». В ответ **Бхагавати** предлагал проводить ускоренную индустриализацию, включая создание тяжелой промышленности для крупных стран¹². Здесь следует вспомнить о том, что советская стратегия модернизации исходила из схожих приоритетов задолго до рекомендаций этой теории. Однако такие рецепты лечения структурных перекосов чреваты снижением эффективности соответствующих инвестиционных проектов, падением производительности в тех секторах, которые питают индустриальные проекты. Главный вопрос такой стратегии – готовность принимать ее издержки ради разрыва замкнутого круга «ущербного роста». При этом следует помнить об опасности другой крайности: угроза снижения эффективности подобных проектов не должна стать барьером на пути структурных преобразований как таковых.

Теории «империализма» объясняют, что доминирование развитых стран над неразвитыми территориями – результат различий в экономическом и технологическом уровнях и силовых возможностях. Различные версии таких теорий предлагают свои объяснения причин экспансии развитых стран, но эти причины – всегда результат невозможности справиться с последствиями постоянных технологических инноваций и их результатами для соответствующих обществ.

Отечественный читатель старшего поколения хорошо знаком с *Классической теорией «империализма»*¹³. Заинтересованность в максимизации прибыли – причина роста производства, превышающего спрос внутреннего рынка, ведет к формированию новых рынков на неразвитых территориях. Капитал, вкладываемый в неразвитые территории, инвестируется не в соответствии с нуждами этих стран, но в соответствии с интересами развитых стран. Трансферт прибыли в такие страны развивает их за счет эксплуатации неразвитых территорий. Впрочем, эти тезисы были эмпирически опровергнуты. Новая теория «империализма» постулирует теорему «зависимости» вместе с новым объяснением отношений эксплуатации. Современная фаза отношений между индустриальными и развивающимися странами может быть названа «промышленно-технологической зависимостью». Промышленно развитые страны, инвестируя в производство и экспорт сырья в развивающихся странах, тем самым усиливают свое влияние на условия торговли и сохраняют сложившееся разделение труда.

При анализе различных проектов экономической интеграции – составной части рассматриваемого модернизационного проекта – важно обращать внимание на то, чтобы они не давали возможности нашим партнерам получать односторонние преимущества. Хотя для нашей экономики важно получение выгод от создания такого союза, даже при том, что доходы наших партнеров окажутся относительно больше.

Теории «зависимости» предполагают, что внешняя зависимость развивающихся стран делает возможной их эксплуатацию. Сторонники этой теории утверждают, что внешняя зависимость неизбежно влечет за собой внутреннюю структурную деформацию, которая воспроизводит внешнюю зависимость¹⁴. Асимметричная интеграция влечет за собой структурные изменения в периферийных обществах, экономически ориентированных на потребности промышленно развитых стран и на финансовую зависимость традиционного

underdevelopment / ed. by Agarwala A., Singh S. London, 1971. P. 205–218.

¹² Bhagwati J. Immiserizing growth. A geometrical note // Review of economic studies. XXV (3). № 68. 1958. P. 201–205.

¹³ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. Т. 27. С. 299–426

¹⁴ Santos T. Über die struktur der abhangigkeit // Imperialismus und strukturelle Gewalt / Senghaas D. (Ed.). Frankfurt, 1972. P. 243–257.

сектора от экспортоориентированного. Элиты принимают нормы и ценности развитых стран и сотрудничают с ними в поддержании status quo.

Неразвитость с этой точки зрения – не этап на пути к индустриализации, но неизбежное последствие капитализма, пренебрегающего своей социальной ответственностью за положение тех стран, которые он ранее втянул в орбиту глобализации.

Теория зависимости не фокусируется на стратегии развития, за исключением требований структурных изменений, независимости и участия. Однако стратегия «автоцентрического» развития стремится преодолеть этот недостаток. Развитие должно базироваться на локальных ресурсах. Временное отгораживание от мирового капиталистического рынка, если оно возможно, полагается полезным и даже необходимым. Здесь цель – реформа внутренней социально-экономической структуры и, впоследствии, восстановление международных отношений на новых равноправных условиях.

Читатель легко может увидеть сходство этих воззрений с позициями германской исторической школы, которые стали основой политики **Отто Бисмарка** и вдохновляли **Сергея Витте**. Видно также его сходство с рядом наших концепций «суверенной экономики», выступающих за регулируемую автаркию, обеспечивающую «реиндустриализацию» российской экономики. Хотя эта линия явно базируется на китайском и танзанийском опыте, высокий уровень абстракции делает ее довольно трудно выполнимой. Главное здесь – вопрос меры, соотношения выгод и издержек, а также политической воли, всегда необходимой для проведения сложной стратегии – модернизационных проектов.

Теоретические сомнения и обобщения

Все обсуждавшиеся выше теоретические подходы характеризуются явной и отчасти намеренной односторонностью. Каждый из них объясняет некоторый определенный аспект, но не дает полной картины причин неразвитости. Вместе с тем эти локальные концепты выявили большое количество подводных камней, обрекающих проект в целом на неудачу – следует помнить, что за каждой из теорий стоят гигантские социально-политические трагедии. Накопленные за последние годы материалы анализа многих модернизационных программ показали явную взаимосвязь между кризисами в их реализации, с одной стороны, и недостатками их теоретической базы – с другой. Проблемы кроются в самом исходном представлении, из которого исходили архитекторы преобразований.

Модернизационные теории подвергались концептуальной критике. Сначала выяснилось, что идеи «азиатского чуда» (экономическое развитие, опережающее демократизацию) и специфическая конфигурация азиатских ценностей (достижительность, высокая дисциплина при низком индивидуализме) могут проложить дорогу в будущее. Однако последующие экономические кризисы быстро положили конец первоначальной эйфории. Затем сказались разочарования, преобладающие в посткоммунистических странах в силу того, что они не справились с одновременным развитием экономики и демократии в условиях либерализации рынка.

Следует выделить два направления критики модернистских теорий. **Иммануил Валлерстайн** выставил строгий счет антикапиталистическим движениям, отметив их неконструктивность¹⁵. Но он же указал на отсутствие перспектив современного капитализма. Он предсказывает приход «глобальной анархии», темный период борьбы между основными акторами мировой системы, исход которой неизвестен и не определен. **Шмуэль Айзенштадт** рисует картину «множественной модерности», не имеющей видимой тенденции к конвергенции. Его воззрения созвучны известной концепции «конфликта цивилизаций», но

¹⁵ Wallerstein I. Entering global anarchy // New Left Review. 2003. P. 27–35.

вывод Айзенштадта более масштабен¹⁶. Он предвидит несколько «современных цивилизаций», даже базирующихся на идеях фундаментализма и движениях национал-коммунизма.

Некоторое время назад теоретики политического развития предложили схемы, согласно которым, в развитие представлений **Макса Вебера** и **Толкотта Парсонса**, появление и консолидация демократических режимов в решающей степени зависят от появления и консолидации определенных индивидуалистических ценностей.

Результаты широкого переосмысления теоретических основ модернизационного процесса связывают со стадией неомодернизационного анализа¹⁷.

Эдвард Тиракьян суммирует представления о процессах модернизации следующим образом:

1. Модернизация – результат действий индивидов и коллективов – не продукт автоматического развития системы.
2. Это требует новых путей достижения их целей, осуществления их ценностей; но будут ли эти цели достигнуты, зависит от располагаемых ресурсов.
3. Модернизация – не консенсусный процесс, но конкуренция между модернистами, консерваторами и наблюдателями.
4. Наука – главная движущая сила, но религия и традиции не должны недооцениваться.
5. Общий критерий модернизации – развитие благосостояния всего населения.
6. Центры модернизации могут изменяться и сдвигаться.
7. Модернизация – нелинейный процесс, она включает в себя циклы и кризисы.

Подобный взгляд в существенной мере меняет прежние линейные представления о модернизации. В повестку дня оказались внесены радикально иные подходы к самому процессу. Малазийский премьер **Мохамад Махатхир**, например, был предельно четок в своем заявлении о том, что азиатские страны могут и должны проводить «“модернизацию” без принятия всех или хотя бы части ценностей европейской цивилизации»¹⁸.

Налицо явная тенденция к преодолению узко понимаемого экономического подхода, к интеграции более широких представлений о путях экономического и социального развития. Стало очевиднее, что модернизация не чудодейственное средство, позволяющее одним махом преодолеть проблемы развития, накапливавшиеся длительное время. Проблема внутренних культурных, исторических, социальных ограничений в реализации модернизационных проектов постепенно перемещалась в центр внимания исследователей, а также политиков, готовых считаться с реальностью.

Модернизация всегда представляет собой некий политический проект, а не продукт предшествующего «естественного» развития. Проекты, подаваемые как технократические, политически нейтральные, на деле далеко не таковы. Продвигающим их политическим силам зачастую не с руки акцентировать идеологическую и политическую подоплеку преобразований. При определении целей таких проектов ключевое значение приобретают представления о причинах неразвитости, которые формируются в ходе идейно-политической подготовки накануне старта модернизационного проекта.

Исторически формирование идеи преобразования общества, а также государства и экономики было тесно спаяно с идеями освобождения, разрыва с «темным прошлым». Эти идеи породили целый ряд концепций, рассматривавших Свободу и Освобождение в качестве главных условий преодоления неразвитости. Затем они были развернуты в идеологию либерализма, которая имманентно содержит парадигму модернизации.

¹⁶ Eisenstadt S. (1999) Multiple modernities in an age of globalization. 1999. P. 37–50.

¹⁷ Tiryakian E. Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as process. 1992. P. 78–96.

¹⁸ Цит. по: Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2005. С. 235.

Проведенный **обзор теоретических воззрений** позволяет сделать шаг в раскрытии существа модернизационных проектов. В центре их внимания находятся не только и не столько собственно ресурсы развития, сколько **институциональные механизмы** мобилизации, распределения и использования этих ресурсов, соответствующие целям конкретного модернизационного проекта. Там, где институциональная компонента оставлялась без внимания, шансов на успех не было. Именно успех институциональных преобразований позволяет удерживать изначальный курс модернизации, дает возможность реализовывать проект, корректировать его с учетом реалий, а не превращать в «крестовый поход». Если институты эффективны, то модернизация будет иметь успех, если нет, то нет. Можно сделать вывод, **что модернизация – политически ангажированный проект развития, использующий эффективные институциональные преобразования для решения актуальных проблем этого развития в наличных специфических социально-исторических условиях.**

§ 2. Социальная трансформация как модернизационная рамка

Наш обзор показал решающую роль институциональных преобразований для успеха модернизационного проекта. В то же время социальные науки проделали большую работу, для того чтобы показать, как глубоко и сами институты, и их функционирование погружены в макросоциальную среду. Эта среда, в свою очередь, во многом предопределяет мотивы субъектов модернизации, образцы их социального действия и, в силу этого, условия реализации модернизационных проектов. В еще большей мере эта среда обуславливает границы тех реформ, которые с успехом можно осуществить здесь и сейчас. Для провалов, понятно, ограничений нет.

Понимание, что такие ограничения существуют, пришло далеко не сразу. Долгое время глаза реформаторов застилала, да подчас застилает и по сей день, волонтаристская греза о безграничных возможностях модернизации. Главное – наличие политической воли, желание энергично вести реформы. Учитывать готовность к ним обществ – занятие, недостойное подлинных реформаторов.

По мере накопления опыта модернизации, осмысления причин острейших кризисов, возникавших в результате провалов, в центре внимания исследователей и политиков-реалистов оказалась проблема некризисного, в иных концепциях – «органичного» развития. Слишком часто модернизационные проекты приводили к социальным кризисам, чтобы можно было оставить этот факт без внимания. Более того, эти частые кризисы стали своего рода пугалом для национальных элит, размышляющих о проектах модернизации.

Для выявления причин этих кризисов нам необходим анализ взаимоотношений системы институтов, претерпевающих изменения в ходе модернизации, с одной стороны, и окружающей эту систему макросоциальной среды – с другой. Для этого, как отмечалось, необходимо расширить предмет нашего анализа, включить в него рассмотрение дополнительных внешних факторов, обуславливающих органичный или, напротив, кризисный ход институциональных изменений, модернизации в целом.

Трансформация

В социальной теории сложилось научное направление, связанное с анализом процессов социального функционирования в условиях качественных общественных изменений, как целенаправленных, так и «естественных», то есть не связанных с каким-либо проектом, – с анализом **трансформации**.

Представляется, что процессы трансформации можно охарактеризовать через качественные социокультурные изменения в моделях социальной деятельности и через соответствующие перемены в основаниях и характере функционирования социальных институтов¹⁹. Анализ коллизий, возникающих в результате взаимодействия меняющихся субъектов, с одной стороны, и институтов – с другой, позволяют оценить влияние этих изменений на ход реализации модернизационных проектов.

Предлагается инкорпорировать в эту теоретическую схему классическую веберовскую модель модернизационного перехода, связанного с процессами распада традиционного общества и становлением современного социума. В соответствии с ней в ходе макросоциального процесса смены традиционного общества на модернизированное снижается значение тра-

¹⁹ Дискин И. Российская модель социальной трансформации // Pro&Contra. Лето 1999. Т. 4. № 3. С. 5–40.

диционных социальных регуляторов (традиционных авторитетов, предписывающих жесткие нормы поведения, санкций непосредственного окружения и т. п.) и возрастает роль современных регуляторов. В связи с этим прежде всего усиливается влияние рационального индивидуального выбора, базирующегося уже не на партикулярных нормах, а на универсальных ценностях, а также регулирующее воздействие социальных институтов, основанных на тех же ценностях.

Такие трансформационные процессы меняют характер массовых моделей социального действия. **Макс Вебер** выделяет традиционную, аффективную, ценностно-рациональную и целе-рациональную модели. Одновременно меняется и макро-социальная структура – соотношение слоев и групп населения, ориентированных на соответствующие модели социального действия.

Предложенная теоретическая конструкция предполагает методологическую возможность перехода от микроанализа индивидуальных действий к макросоциальным обобщениям. Здесь автор не одинок.

Имеется, например, созвучная точка зрения Раймона Будона: «Нам представляется необходимым подчеркнуть, что веберовская парадигма методологического индивидуализма не ограничивается анализом процессов, происходящих в кратчайшей и средней по размерам временной перспективе; она может быть успешно приложена и к более длительным процессам»²⁰.

Для характеристики процессов трансформации с точки зрения предложенной конструкции важно рассмотреть две взаимосвязанные стороны преобразований:

- **институциональную**, связанную с намеренным изменением номинальных институциональных установлений – формальных институтов (норм, процедур или правил), с одной стороны, и «естественным» складыванием неформальных норм, обуславливающих в своей совокупности перемены в функционировании социальных институтов – с другой;
- **макросоциальную**, вызванную переменами в структуре деятельностных макросоциальных моделей в рамках соответствующих социальных институтов.

При таком подходе в центре нашего внимания оказывается сопоставление моделей социального действия, ценностных оснований, лежащих в их основе, с одной стороны, с функционированием тех социальных институтов, в рамках которых реализуется соответствующее действие – с другой.

Одновременно для нас представляет существенный интерес характер деятельности социальных институтов (их функциональность, дисфункции, эффективность в конечном итоге). Этот характер в большой мере зависит от соответствия механизмов, норм и правил, лежащих в основе рассматриваемых институтов, тем моделям социального действия, на регулирование которых ориентированы эти институты. Представляется, что характер такого взаимосоответствия меняющихся институтов и моделей социального действия будет в значительной мере определять судьбу институциональных преобразований, реализуемых в ходе модернизационного проекта, и, соответственно, исход такого проекта в целом.

Нас в дальнейшем будет интересовать, в какой мере и в каких формах изменение базовых, доминирующих моделей социального действия влияет на характер функционирования социальных институтов, на их развитие, и, наоборот, каким образом перемены в номинальных институциональных нормах (то, чем мы реально можем управлять) могут влиять на модели социального действия.

В ходе трансформации меняется актуальность тех или иных ценностей. Соответственно при изменении таких ценностных приоритетов, ценностной конфигурации сдвига-

²⁰ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 170.

ется и оценка различных институциональных компонентов, институтов и, в конечном итоге, отношение к ходу модернизационного проекта. Реактуализация одних ценностей и снижение значения других в определенных, довольно ограниченных, но все же значимых пределах, вполне возможны. Здесь предмет анализа – граница целенаправленных идейно-политических проектов. Главное – не переборщить, не доиграться до разрушения социокультурной органики, до макросоциального кризиса. Социокультурная динамика – мощный, но очень взрывоопасный стимул развития.

Предлагаемый теоретический подход позволяет учитывать сценарии модернизации, в которых введение институциональных норм, расходящихся с ожиданиями включенных в социальные изменения групп, не приводит к ожидаемым переменам в функционировании социальных институтов²¹. Здесь уместно напомнить пример, приведенный **Максом Вебером**, о том, как для стимулирования крестьян им была поднята плата. В результате, вопреки ожиданиям, крестьяне стали работать меньше, так как и при меньших усилиях могли обеспечить себе привычный уровень жизни. В итоге, как видно из этого примера, возникает дисфункция социального института, снижение эффективности процесса, регулируемого этим институтом. Возможна и симметричная ситуация, когда «естественные» изменения в моделях социального действия, меняющие в свою очередь неформальные правила функционирования социального института, вступают в противоречие с номинальными установлениями. Эту тенденцию достаточно подробно рассматривал в своих работах **Карл Маркс**, видевший в таких изменениях движущую силу социального конфликта, да и развития в целом.

Следует обратить внимание на временной фактор соответствующих изменений. Именно временная протяженность, скорость рассматриваемых процессов в большой мере определяет финальный характер взаимодействия моделей социального действия и институтов. Бывает, что время лечит, позволяет адаптироваться к изменениям. Но бывает, что время лишь копит противоречия и готовит взрыв. (Здесь уместно напомнить об «исламской революции» в Иране.)

Этот временной фактор делает предметом нашего исследования проблему **адаптации**. Процесс социальной адаптации характеризуется:

- 1) способностью различных социально-экономических слоев и групп населения, включая и элиты, осмысленно ориентироваться в существующей социальной и хозяйственной ситуации;
- 2) адекватностью вырабатываемых ими моделей социального поведения в сложившейся институциональной среде;
- 3) рациональностью использования различных располагаемых ресурсов для реализации своих потребностей и интересов²².

Для нашего исследования важно, что в ходе процесса адаптации население осуществляет собственную, во многом субъективно обусловленную интерпретацию сигналов, посылаемых ему с макроуровня (путем установления норм и соответствующих санкций за их нарушение) на микроуровень, на уровень реальной деятельности населения. Иными словами, в ходе адаптации население, его слои и группы выступают в роли «социального критика», проверяющего практичность соответствующих нормативных установлений, их соответствие сложившимся социальным, культурным и хозяйственным практикам.

При этом важно иметь в виду, что результаты такой «критической» оценки будут сильно зависеть от исходной позиции «критика». Это, в свою очередь, означает, что для получения тех оценок институциональной среды, которые необходимы для продвижения

²¹ Дискин И. Указ. соч. С. 7–8.

²² См.: Социальная трансформация реформируемой России / Отв. ред. Заславская Т.И., Калугина З.И. Новосибирск, 1999. С. 204–246.

модернизационных проектов, важно выделить «индикативные» слои и группы, интересы которых соответствуют содержанию реализуемого модернизационного проекта. Попросту, хочешь успеха модернизации, сначала найди социальную группу – лоцмана проекта.

Адаптационный процесс будет протекать совершенно иначе, если он не может ограничиться приспособлением к сложившимся практикам и нужно освоение качественно новых. Хорошо известны случаи, когда люди, располагавшие необходимой квалификацией и другими социальными ресурсами, в ходе реформ 90-х годов так и не смогли адаптироваться к новой реальности, сменить род своих занятий на новые, приносящие гораздо большие доходы.

Адаптация является также макросоциальным механизмом, обеспечивающим, в частности, оценку населением степени возможностей, которые институциональная среда предоставляет населению для решения своих насущных проблем. Очевидно, что благоприятная среда сильно мотивирует население на мобилизацию ресурсов, неблагоприятная – парализует способность к адаптации.

Вполне очевидно, что в ходе адаптационных процессов формируется диспозиция отношений к тем или иным институтам, институциональной среде в целом. Одновременно соответствующие оценки институциональной среды обуславливают эволюцию системы неформальных норм. Какие-то из них становятся еще более актуальными, а другие эту актуальность утрачивают, «засыпают». Меняющаяся система неформальных норм может соответствовать, а может и противостоять номинальным институциональным установлениям.

Вполне очевидно, что неформальные нормы и правила выступают более сильными регуляторами социальной деятельности, чем номинальные нормы. Наличие сильного «зазора» между неформальными практиками, с одной стороны, и номинальными установлениями – с другой, ведет к серьезным дисфункциям институциональной среды. Этот «зазор» ведет либо к прямому блокированию деятельности соответствующих институтов, либо к созданию каких-либо социальных механизмов компенсации такого «зазора», позволяющих поддерживать, пусть и с трудностями, проблемами и значительными издержками, функционирование соответствующего института. Так, коррупция лишь один из таких механизмов, компенсирующих блокирующее действие обсуждаемого «зазора». Это понимание социальной роли коррупции ни в коей мере ее не оправдывает, но указывает, что для эффективной борьбы с ней необходимо устранение ее макросоциального фундамента, сужение «зазоров» между формальными и неформальными нормами.

Значение рассматриваемого «зазора» в том, что он накладывает существенные ограничения на масштаб институциональных преобразований – на введение новых формальных норм. Бессмысленно и контрпродуктивно вводить такие нормы, кардинально расходящиеся с доминирующими неформальными нормами. Так можно лишь наращивать «зазор», блокировать институциональное функционирование и растить коррупцию.

Но из сказанного не следует, что значительные институциональные преобразования вовсе невозможны. Просто они должны вестись не волюнтаристски, в соответствии лишь с замыслом реформаторов, а в соответствии с требованиями органичной трансформации. Это значит, что институциональные преобразования должны быть подкреплены переменами в структуре неформальных норм. Социальная инженерия, конечно, не всемогуща, но кое-что сделать все же можно. Главное – понимать всю эту проблемную перспективу и двигаться в такт социальным переменам, а не ломать народную жизнь через колено.

Столь часто осуждаемое реформирование «толчками» есть не что иное, как следование внутренней логике социальной трансформации, установлению взаимного соответствия между эволюцией неформальных норм, с одной стороны, и развитием формальной институциональной среды – с другой.

Крайняя сложность трансформационных процессов усугубляется претензиями на лидерство групп, крайне различающихся своими устремлениями. Под их влиянием в обществе актуализируются ценности, поддерживающие неформальные нормы, кардинально противостоящие логике реформирования. В результате вместо поддержки модернизации трансформационные процессы начинают генерировать кризис. (Именно плохое понимание лидерами реформ 90-х существа трансформации, тех ограничений, которые она накладывает на процессы реформирования, резко усилили социальные издержки преобразований.)

Для нашего рассуждения также важен вывод, что результатом адаптационных процессов является выстраивание социальной диспозиции слоев и групп населения, различающихся своим отношением к характеру реформ.

Значение адаптационных процессов для процесса трансформации ярко показывает Карл Поланьи на примере формирования новых городов в ходе промышленной революции в Англии: «В новых городах не было давно и прочно сложившегося среднего класса, не существовало крепкого ядра ремесленников и мастеров, почтенных мелких буржуа, способных послужить ассимилирующей средой для неотесанных рабочих <...> Промышленный город Центральной или Северо-Западной Англии представлял собой культурную пустыню, его трущобы лишь отражали отсутствие какой-либо традиции и чувства гражданского достоинства. Брошенный в эту страшную трясику убожества и нищеты, крестьянин-иммигрант или даже бывший йомен, или копигольдер быстро превращался в какое-то не поддающееся описанию болотное животное. Дело не в том, что ему мало платили или заставляли слишком много работать – хотя и то и другое происходило слишком часто, дело в том, что физические условия, в которых он теперь существовал, были абсолютно несовместимы с человеческим образом жизни... И все же положение не было безнадежным: пока человек сохранял определенный статус, служивший ему опорой, пока перед ним была модель поведения, заданная ему родственниками и товарищами, он мог бороться и в конечном счете восстановить свое нравственное достоинство»²³.

Эта довольно длинная цитата основоположника теории трансформации вызывает явные ассоциации с ситуацией в России на рубеже XIX и XX веков, в СССР в 30-х годах. Это сходство не случайно – оно подтверждает наличие закономерностей, понимание которых может (при желании считаться с ними) снизить издержки реформирования, и тем более избежать кризиса.

Соответственно искомый позитивный результат социальной трансформации заключается в том, что введенные в ходе модернизации институты приходят в социокультурное равновесие с изменившимися моделями социального действия. Напротив, рост напряжений в ходе адаптации приводит к негативной оценке вводимых институтов. Социокультурный «зазор» между такими институтами, с одной стороны, и социальными практиками – с другой, перерастает в отторжение. Возникшие напряжения быстро превращаются в модернизационный кризис.

²³ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нового времени. СПб., 2002. С. 114.

Социокультурные трансформационные напряжения

Один из ключевых факторов трансформационных напряжений – напряжения социокультурные. Эта массовая проблематизация (т. е. превращение в проблему, в предмет сомнений) социальных ценностей оказывает существенное воздействие на доминирующие модели социального действия. Результат – перемены в неформальных нормах и, соответственно, институциональные дисфункции. Социокультурные трансформационные напряжения ставят под сомнение статус формальных институтов, подрывают их легитимность. Этим создаются предпосылки для оппортунистического поведения социальных субъектов. Дальше развилка: либо адаптация, либо кризис, радикально меняющий структуру ценностей.

Авторская гипотеза состоит в том, что источниками возникновения социокультурных напряжений являются:

- накапливающиеся в течение длительного времени противоречия между меняющейся социальной практикой, с одной стороны, и законсервированными социальными институтами – с другой (легко увидеть близость этой позиции к марксистскому подходу к анализу социальных изменений. Отличие нашего подхода – введение социокультурного измерения соответствующих напряжений);

- массовая проблематизация базовых социальных ценностей, связанная с поисками метафизических оснований социального бытия. (Ее масштабы и глубина могут быть непосредственно не связаны с напряжениями, вызванными рациональной оценкой наличной социальной практики. Их причиной может стать миссионерская или пропагандистская деятельность, изменяющая интерпретацию и источника, и масштаба существующих в обществе проблем. В основе такого взгляда лежат веберовские теоретические подходы.)

Формирование большинства трансформационных напряжений определяется конкретным социально-историческим и социокультурным характером эрозии традиционного общества. Одним из наиболее распространенных объектов трансформационных исследований является переход от традиционного к модернизованному обществу. В рамках такого перехода по преимуществу и реализуются модернизационные проекты. **В этом смысле трансформационные изменения, как уже отмечалось, выступают внешней ограничительной рамкой для модернизационных проектов.**

Такое понимание трансформации вовсе не означает, что она – лишь пассивный ограничитель модернизационных проектов. Модернизационные проекты, активно меняющие институты, создают благоприятные возможности одним моделям социального действия, конкретным социальным практикам и закрывают дорогу другим. Этим самым они активно воздействуют на всю социокультурную ситуацию в обществе. В результате вся прежняя иерархия ценностей ставится под вопрос. Практически неизбежна ее перестройка, в той или иной мере меняющая ход трансформационных процессов, очень часто ведущая к социальному кризису.

Сказанное вовсе не означает, что возможны лишь негативные сценарии. Напротив, успешные модернизационные проекты практически всегда связаны с обращением к тем позитивным ценностям, которые уже остро проблематизированы наличным обществом, но не находят поддержки со стороны действующих институтов. Собственно, институты конкурентного рынка и демократии исторически прокладывали себе дорогу, опираясь на актуализированные ценности индивидуального выбора и ответственности, предприимчивости и инициативы.

Аналогично выживание реформ 90-х годов, несмотря на все их издержки, было связано с их обращением к крайне актуальной ценности индивидуального активизма, блокирован-

ной предшествующим режимом. Ключевые, наиболее активные и влиятельные слои общества были готовы отбросить все иные критерии оценки развития при сохранении недавно полученных возможностей вертикальной мобильности и самореализации. При этом следует отметить, что в нашем обществе имеются и кардинально отличные взгляды на итоги реформ, исходящие, прежде всего, из ценностей социальной справедливости в их прежней, в основном уравнилительной интерпретации.

Важный урок ранее реализованных модернизационных проектов, рассмотренных в их трансформационном измерении, состоит в том, что успешно обращение лишь к актуальным массовым ценностям, а не тем, которые дороги самим реформаторам. Это, прежде всего, нарекание нашим либералам. Они никак не могут ни понять, ни смириться с тем, что либеральные ценности не являются сегодня самыми актуальными для наиболее влиятельных групп. (Но это совсем не означает, что у либерального проекта вовсе нет перспективы в России.)

Более того, без инкорпорирования либеральных ценностей в этическую основу российского общества у российской модернизации нет перспективы. Но при этом либеральная индоктринация вряд ли может быть непосредственной и очень быстрой. Здесь необходима сложная идеологическая операция, доктринально увязывающая основные либеральные ценности с теми, что уже вошли в ценностный фундамент российского общества.

Таким путем, лавируя, меняя «галсы», но сохраняя общие стратегические ориентиры модернизации, можно скорректировать трансформационные рамки с целью создания более благоприятных предпосылок для реализации модернизационного проекта. Однако возможности подобного социокультурного проектирования сильно ограничены опасностью затронуть актуальные, «священные» для большинства базовые социальные ценности. Как только такие актуальные ценности оказываются под угрозой, включаются мощные защитные мобилизационные механизмы.

Как уже отмечалось, большинство модернизационных проектов привязано к переходу от традиционного к современному обществу, связанному с мощными макросоциальными напряжениями. В силу этого необходима модель их преодоления. Эрозия традиционного общества связана со снижением регулятивной роли норм и традиций и, в идеале, с постепенным развитием модернизированных механизмов макросоциального регулирования, все более основывающихся на универсалистских ценностях и личностном рациональном выборе. Но снижение регулятивной роли традиционных ценностей и норм и усиление роли универсалистских ценностей редко проходит синхронно, с сохранением общего уровня социальной интеграции и макросоциального регулирования. Даже в тех случаях, как это было в истории России, когда процесс такой смены механизмов осуществляется в течение очень длительного времени, «сверху вниз», возникает достаточно длительный период общего ослабления макросоциальных регулятивных механизмов²⁴. (В случае России это ослабление имело еще и другие корни, которые будут обсуждены ниже.)

Общество, в лице субъектов, способных на социальную рефлекссию, воспринимает подобную ситуацию как религиозный или моральный кризис. История Древнего Рима дает немало прекрасных примеров страстных обличений «утраты республиканских доблестей», «морального падения Рима».

Другим источником социокультурного трансформационного напряжения является резкое падение значимости универсалистских ценностей, часто лишь недавно сменивших «традиционные» и еще не успевших прочно укорениться в качестве социальных регуляторов (Россия 17-го, Италия 20-х, Германия 30-х годов XX века). 90-е годы в России также являются хорошим примером существенного снижения регулирующей роли универсалистских

²⁴ Этот процесс был предметом рассмотрения семинара Юрия Левады в 80-х годах.

ценностей. Этот кризис был крайне обострен тем, что базовые социальные ценности в нашей стране были тесно связаны с главенствующей идеологической доктриной.

Дискредитация коммунистической идеологии создала серьезный регулятивный вакуум, воспринятый как нравственная катастрофа. В дальнейшем произошло «расклеивание» ценностных элементов, действующих в основном в государственно-политической сфере, с одной стороны, и идеологически нейтральных ценностей, действующих по преимуществу в партикулярной сфере, – с другой. При этом универалистские ценности, чаще связанные с жизнью государства, приобрели в большой мере парадный характер. Партикулярные ценности, для «своих», действующие на наиболее важном для того времени «жизненном» уровне, напротив, повысили свою регулятивную значимость.

Это «расклеивание», как будет показано ниже, сыграло свою существенную роль при формировании новой институциональной среды в постсоветской России.

Социокультурное напряжение создает серьезную проблему поиска обществом (осознанно или неосознанно) путей макросоциальной реинтеграции на новой ценностной и, соответственно, нравственно-этической основе, которая в большой мере определяет характер функционирования социальных институтов.

Макросоциальная интеграция

Теоретически легко представить ряд моделей такой интеграции:

- **идеократизация**, приведение социально-экономической практики в соответствие с требованиями соответствующей идеологической (религиозной, квазирелигиозной) доктрины;
- **этико-институциональный компромисс**, адаптация идеологической доктрины (в явном или неявном виде) к ключевым существующим элементам социальной, прежде всего хозяйственной, жизни, с одной стороны; исключение из социально-экономической деятельности тех ее элементов, которые явно противоречат доктринальным основам, – с другой;
- **этическая сегментация**, в результате которой религиозная жизнь, способы решения метафизических проблем, с одной стороны, и социально-экономическая практика – с другой, реализуются на разных, качественно различающихся нравственно-этических основаниях;
- **доктринальная корректировка**, изменение существенных установок идеологической, религиозной доктрины с целью обеспечения нравственно-этического обоснования наличного социально-экономического механизма;
- **смена социокультурного фундамента**, кардинальное изменение социокультурной системы ценностей, лежащих в основе основных социальных институтов.

Макс Вебер рассмотрел картину идеократизации – разрешения противоречия путем более или менее последовательного приведения семейной и хозяйственной жизни в соответствие с требованиями протестантской религиозной этики²⁵. В наше время яркими примерами идеократизации явилась «исламская революция» в Иране и «культурная революция» в Китае. При таком подходе можно предположить, что отмеченное **Александром Ахиезером** противоборство либеральных и традиционных (архаических) ценностей, слабость в нашей стране срединной (прагматической) культуры скорее следует связать с индоктринацией²⁶.

Интересна попытка приведения норм хозяйственной жизни в соответствие с религиозными требованиями – борьба средневековой католической церкви вокруг ростовщичества и

²⁵ Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.

²⁶ Ахиезер А. Хозяйственно-экономические реформы в России: как приблизиться к пониманию их природы? // Pro&Contra. Лето 1999. Том 4. №3. С. 41–66.

стремление ограничить лихоимство. Как хорошо известно, эта борьба закончилась компромиссом, в результате которого банкирская деятельность была этически инкорпорирована.

Модель этической сегментации, которая, как это вполне очевидно, тесно коррелирует с «дуалистическим» сценарием модернизации, не является реальным разрешением ни трансформационной, ни модернизационной проблемы. Она лишь создает возможность в течение достаточно длительного времени уходить от него. Более того, длительная этическая сегментация разрушает общественные нравственно-этические нормы. Одновременно четко территориально локализованная этическая сегментация, к тому же зачастую часто приобретающая этническое или конфессиональное оформление, создает очевидные предпосылки для сепаратизма. В целом этическая сегментация связана с неустойчивостью функционирования институтов, падением контрактной дисциплины, ростом соответствующих рисков.

Примером доктринальной корректировки являются усилия руководства католической церкви в конце XIX века по приведению теологических воззрений в соответствие с требованиями капиталистической экономики, а также усилия **папы Иоанна XXIII** по включению социальной проблематики в доктринальные позиции католицизма. Следует отметить и крайне важные усилия Русской православной церкви, активно формирующей свои воззрения по ключевым проблемам современной социальной и экономической жизни.

Трансформационные напряжения, возникающие в ходе модернизационных проектов, обладают существенной спецификой. Здесь следует иметь в виду ряд сценариев.

Во-первых, масштабное изменение всей институциональной системы, существенно расходящееся с социокультурным фундаментом. Это практически неизбежно влечет за собой отторжение новой системы институтов, возникновение сильнейших социокультурных напряжений.

Во-вторых, реформаторская непоследовательность, введение разнородных институтов, то есть несоблюдение принципов *комплементарности и однородности* институтов. Примером здесь могут служить проводимые реформы в области образования. Так, целью введения ЕГЭ, как декларируют, является предоставление больших возможностей тем, кто имеет ограниченный доступ к дополнительным ресурсам качественного образования (например, репетиторству), прежде всего жителям села и малых городов. Но одновременно вводится обязательное одиннадцатилетнее образование, что для тех же социальных групп означает существенное снижение качества образования, ухудшение условий конкуренции. (При отсутствии выбора школы они будут вынуждены учиться среди тех, кто учиться не хочет.) Это создаст гораздо большие барьеры, чем те, с которыми призван бороться ЕГЭ.

Причина в том, что эти реформы базируются одновременно на двух конфликтующих ценностях: конкуренции и уравнительной социальной справедливости. Результат – разнородные сигналы, которые посылают такие институты, мощные социокультурные напряжения.

Следует учитывать, что бесплодны попытки построить более сложные институты, чем те, которые позволяет социокультурный уровень развития личности, доминирующие модели социальной активности. Любые попытки обойти это фундаментальное ограничение неизбежно приведут к упрощению, снижению эффективности функционирования этих институтов, к их декоративности, при возможном сохранении формальных норм.

В соответствии с представленными выше позициями вполне обоснованно, по аналогии с адаптацией, в качестве критерия завершения трансформационных процессов использовать достижение определенного соответствия между характером функционирования социальных институтов, с одной стороны, и характером социальной деятельности основных групп общества – с другой. Соответственно социологический критерий завершенности этих процессов – снижение темпов адаптации населения к новым условиям.

Сложившаяся адаптационная и, соответственно, социальная структура могут рассматриваться в качестве определенной меры эффективности трансформационных процессов. Действительно, вряд ли можно считать успешным процесс, если его результат – дезадаптивное, и тем более асоциальное, состояние больших групп населения.

Качественно иной путь преодоления трансформационного напряжения – смена социокультурного фундамента, кардинальное изменение социокультурной системы ценностей, лежащих в основе социальных институтов. Это возможно путем утверждения в обществе религиозной или квазирелигиозной (то есть формально секулярной, но реально выполняющей функции религии) доктрины. В этом варианте меняется все пространство оценок взаимоотношений между институтами и моделями социального действия. Трансформационное напряжение переводится в иное экзистенциальное или метафизическое пространство. В нем могут возникнуть новые напряжения, но прежнее, безусловно, снимается.

Примерами являются установление господства всех мировых религий, а также коммунистической доктрины в СССР, фашизма в Италии и национал-социализма в Германии. Но распространение соответствующей доктрины, формирование нового массового религиозно-этического сознания протекают на фоне функционирования прежних механизмов и стереотипов социально-экономического действия. Это создает разрыв между новыми религиозно-идеологическими представлениями, с одной стороны, и практикой семейной и хозяйственной жизни – с другой. Исключением являются те сообщества, которые изначально формируются в целях реализации своих идеологических убеждений (общины мормонов в штате Юта, кибуцы в Палестине, разного рода коммуны).

Этот разрыв является ключевой трансформационной проблемой. Здесь, в частности, кроется ловушка для разного рода «развивающих диктатур». Ускорение требует быстрой этической консолидации, которая достигается лишь средствами идеолого-религиозной мобилизации. В свою очередь такая мобилизация создает достаточно распространенную социокультурную «шизофрению», когда идеология выдвигает требования, расходящиеся как с привычными стереотипами социального действия, так и с обыденным сознанием. Это прямой путь к этически сегментированному обществу.

Существенное значение для социальной интеграции приобретает «инструментализм» новых ценностей, их способность создать основу для некризисного регулирования всего комплекса социальных отношений. Именно систематические кризисы, возникающие из-за нестыковки «высокой» доктрины и повседневной жизни, подрывают ее сакральный статус. Десакрализация и проблематизация религиозной доктрины создают предпосылки для формирования нового витка трансформационных напряжений.

Возникающие при таком сценарии социокультурные напряжения крайне трудно преодолеть без доктринальной корректировки. К ней должны быть готовы влиятельные элитные группы, способные предложить идеологически приемлемые формулы такого компромисса. Здесь, видимо, необходимы тонкие социокультурные и социополитические технологии, понимание характера проблем, с которыми связана такая корректировка. В противном случае исход очевиден. Попытка такой корректировки в СССР в конце 80-х годов была просто отброшена вместе с государственным лидером, предпринявшим ее без понимания сущности своего проекта.

Роль социальных институтов в разрешении трансформационного напряжения составляет вторую крупную трансформационную проблему.

Ярким примером ее формулировки являются слова Михаила Гершензона: «Общественное мнение, столь властное в интеллигенции, категорически уверяло, что все тяготы жизни происходят от политических причин: рухнет полицейский режим, и тотчас вместе со свободой воцарятся

и здоровье и бодрость... Интеллигент задыхался и думал, что задыхается только от того что связан...»²⁷

Здесь отчетливо видна проблема фетишизации социальных институтов, переоценки их влияния, перекладывания на них, на внешнюю, «необоримую» силу ответственности за социальную и, самое главное, нравственную позицию самого актора.

Важно подчеркнуть, что конкретные институциональные формы, складывающиеся в ходе трансформационных преобразований, являются вторичными по отношению к характеру тех макросоциальных проблем, для решения которых они используются. Преодоление трансформационного напряжения, связанного с религиозным подъемом и идеократизацией, трудносовместимо с развитием социальных институтов, основанных на рациональном индивидуальном выборе. Соответственно эта магистраль определяет и социально-психологический тип личности, который в ходе трансформационного процесса постепенно становится преобладающим. Это делает институциональное измерение «коридора возможностей» еще более определенным.

Пример такого развития дает европейская история Нового времени. Идеи Просвещения завладели умами образованной Европы, породили систему образования, основанную на этих идеях. За несколько десятилетий новая школа воспитала на новых, либеральных ценностях не только элиты, но и внеэлитные группы. Значение этого процесса, когда Просвещение само создало для себя адекватную социальную базу, в большой мере сохранившуюся по сию пору, хорошо понимали подлинные национальные лидеры Европы. Всем памятные слова **Отто Бисмарка**: «Победу в битве при Садовой одержал прусский учитель».

Третьей крупной трансформационной проблемой, задающей кардинальные ориентиры формирования институциональной среды, являются позиции этой среды по отношению к доминирующим моделям социального действия. С одной стороны, макросоциальный контекст, как отмечалось выше, задает определенные рамки для институциональной среды. Институциональные формы, макросоциальное содержание которых сильно противоречит сложившемуся контексту, мало жизнеспособны. Исторический отбор будет способствовать все большему соответствию между характером институциональной среды, с одной стороны, и макросоциальным контекстом – с другой.

Следует ясно понимать, что наиболее влиятельные политические доктрины кардинально различаются своим пониманием социоантропологической природы человека и, соответственно, принципами построения институтов.

Консерватизм – социальные институты, прежде всего государство и закон, необходимы для обуздания неустрашимых негативных сторон природы человека.

Либерализм – социальные институты, прежде всего государство, препятствуют проявлению изначально позитивных начал природы человека.

Социализм – социальные институты, прежде всего государство, являются необходимым средством преобразования исходно негативных сторон природы человека, которые могут быть устранены в процессе его воспитания и принуждения.

В конкретном историческом развитии многих модернизированных обществ менялись не только указанные выше доктринальные приоритеты, но и реальные социокультурные представления многих групп населения. Эти представления становятся реальными регуляторами социально-экономической деятельности населения. Возникает эффект, когда актуальные идеологические доктрины, искренне усвоенные населением, создают для себя социальный фундамент.

²⁷ Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: «Новости», 1990. С. 93–94.

Эти идеологические диспозиции также задают доктринальные установления, которыми, осознанно или нет, руководствуются субъекты трансформационных процессов при формировании институциональной среды. Хотя того лидеры модернизации или нет, но в глубине соответствующего модернизационного проекта всегда лежит определенное представление о природе человека. Внеидеологичность модернизационных проектов условна и выражает лишь стремление к рациональному переустройству институтов. (В последние годы тезис о внеидеологичности модернизационных проектов основан на неявном представлении о «нормальности» либерального подхода.)

Такое понимание ставит новую задачу соответствия между социоантропологическими характеристиками наличного общества, с одной стороны, и характером модернизационных преобразований – с другой. Попросту говоря, оно рушит наивные представления о том, что «хороший» модернизационный проект может решить любые задачи, перевести общество в любую наперед заданную точку. Если к этому добавить настоятельность решения проблем развития (без этого велика вероятность национальной катастрофы), то мы сможем лучше понять подлинную сложность модернизационных проектов.

Трансформация и институциональный генезис

Изложенные выше представления позволяют сформулировать гипотезу относительно влияния трансформационных процессов на формирование институтов. В классическом представлении этот процесс сопровождался секуляризацией, снижением регулятивного влияния религиозных ценностей на различные стороны социальной деятельности и, одновременно, повышением роли рациональности в регулировании социальных отношений. Это означает, что исчезает религиозная санкция (или существенно снижается ее значимость), поддерживавшая легитимность системы институтов. Подобная делегитимация приводит к нарастающим дисфункциям в государстве, к его ослабеванию и краху. Ключевая проблема – ценностные основания «нового режима».

Принципиальное значение имеет развилка: **замещение прежней суперценности – фундамента институтов – иной, столь же значимой, или же, напротив, возникновение конфликта высокочазначимых ценностей.**

Влияние высокочазначимых ценностей на институциональный генезис осуществляется, прежде всего, через ценностную оценку институциональных образцов и моделей социального действия. Такого рода прессинг, при условии широкого распространения в обществе высокочазначимых ценностей, затрудняет выживание тех институтов, ценностные основания которых противоречат существующему порядку. В результате институтам, основанным на ценностях, сильно отличающихся от общепринятых, необходимо демонстрировать довольно высокий порог эффективности.

В рамках сценария формирования некоей новой суперценности следует рассматривать возможность какой-либо формы религиозного ренессанса, реформирования прежней религии или даже принятия новой религиозной доктрины. Из истории также хорошо известны примеры, когда авторитет религиозного или национального лидера способен выступить в качестве такой суперценности, упорядочивающей всю систему ценностей, норм и моделей деятельности, а также легитимирующей новую систему институтов. Наполеоновский миф сыграл важную роль в легитимации Второй империи во Франции. Отечественному читателю это также памятно: мифологизированное «возвращение к ленинским нормам» играло значительную роль в легитимации советского режима в постсталинскую эпоху.

Утверждению суперценности может способствовать и некая квазирелигиозная доктрина, если она актуализирует проблематизированные ценности, то есть ценности, которые

уже превратились в предмет массового, очень острого социально-психологического переживания.

В целом сохранение прежней или утверждение новой суперценности обеспечивает последующее упорядочение новой системы ценностей и, на этой основе, адаптацию или переформатирование системы государственных институтов. Качественно иная ситуация возникает в случае, если подрыв прежней суперценности не приводит к утверждению новой. Здесь возможна новая развилка.

Первая ее ветка – различные виды ценностной сегментации. Хорошо известна социальная сегментация, когда разные социальные группы обращаются к отличающимся суперценностям. Собственно, такая ситуация является источником формирования классовой структуры, хорошо известной в марксистской научной традиции. Вопрос здесь в статусе этой базовой ценности. Если это суперценность, то дальше возникает вся логика классовой борьбы и революции.

Иная ситуация складывается в результате региональной сегментации. Этот вариант сильно коррелируется с рассмотренными выше сценариями дуалистической экономики. Вполне очевидно, что такая сегментация суперценностей является большой угрозой для целостности общества, источником раскола страны. В связи с этим актуальна судьба Украины, где налицо региональная ценностная сегментация. Вполне очевидно, что эта судьба будет зависеть от статуса ценностей, разделяющих юго-восток и запад этой страны, а также от того, насколько соответствующие ценности могут превратиться в суперценности, атака на которые абсолютно неприемлема.

Другая ветка развилки возникает в условиях слабой государственной легитимности и отсутствия доминирующей ценности, объединяющей активное большинство. Наиболее часто такая ситуация ведет к «ценностной смуте», когда значительные группы людей сталкиваются с внутренним конфликтом высокосignальных для них ценностей.

Весьма часто столкновение ценностей ведет к внутреннему кризису, к поиску путей преодоления «ценностной смуты». Вполне логичным способом выхода из подобной ситуации является актуализация одной из конфликтующих ценностей, превращение ее в суперценность. Собственно, активность политических лидеров часто направлена именно на повышение статуса одной из ценностей до суперценности. Возможна и зеркальная ситуация, когда политик, «оседлавший» латентную суперценность, становится реальным национальным лидером. Яркий пример – восхождение **Леха Валенсы**, актуализировавшего андеграундные ценности польского общества.

Именно сцепление доминирующих ценностей и лидерства – источник столь частого авторитарного выхода из ценностного кризиса. Но такой выход предполагает, что социокультурная ситуация создает предпосылки для превращения одной из конкурирующих ценностей в суперценность с последующим выстраиванием новой иерархии ценностей – опоры институционального генезиса. Собственно, эта модель и была с разным успехом реализована в рамках посткоммунистического транзита. Такое понимание служит также объяснением столь частого превращения ценности национальной независимости в суперценность в рамках постколониальной модернизации. Другой вопрос – насколько успешно освободившимся странам удавалось использовать эти возможности, в какой мере ценности национального освобождения на деле оказывались доминирующими для основных политических игроков. История показала, что эти ценности очень часто оказывались «парадными», на практике сильно уступающими по своему влиянию нормам неопотизма и трайбализма. Подобная ситуация сильно ограничивает возможности современного институционального генезиса, формирования эффективного государства. Это обстоятельство заставляет, с одной стороны, поддержать предостережения **Френсиса Фукуямы** против чрезмерного упования

неоконсерваторов на возможности социального инжиниринга. С другой – отметить игнорирование им же социокультурного контекста государственного строительства²⁸.

Однако возможность генезиса эффективного государства существует далеко не всегда. Ее условием является активный поиск ценностных оснований для социального функционирования. Чаще всего такая атмосфера стремления к заполнению ценностного вакуума характерна для трансформационного перехода от традиционного общества к модернизированному. Для достаточно модернизированных обществ характерен консенсус относительно ценностей первого порядка, встраивание их в одну регулятивную систему с другими, теперь уже равно значимыми ценностями.

Отсутствие четкой ценностной иерархии сильно затрудняет формирование целостной институциональной системы. Велика вероятность фрагментации, когда отдельные части институциональной среды базируются на различных ценностях. Это не только снижает эффективность самой институциональной системы, но и демотивирует социальных акторов, так как разные элементы рассматриваемой среды посылают им разнонаправленные стимулирующие сигналы.

Проведенный анализ показывает значение трансформационной диагностики, анализа характера и специфики макросоциальных изменений для выработки реалистичного модернизационного проекта.

²⁸ Fukuyama F. After the neocons. America at the crossroads. Yale University Press, 2006. P. 114–154.

§ 3. Модернизационные парадигмы

Анализ доктринальных идейно-политических установок, тесно связанных с основными течениями политической мысли и различающихся своим отношением к социоантропологической природе человека и к функционирующим институтам, позволяет лучше прояснить сущность трансформационных преобразований. Это позволяет также оценить роль и возможности в разрешении социокультурных трансформационных напряжений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.